

DOI: 10.31857/S032103910007708-1

ПРОСТРАНСТВО РИМСКОГО МИРА В “RES GESTAE DIVI AVGVSTI”

А. В. Махлаюк

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-mail: makh1@imomi.unn.ru

В статье рассматривается ментально-географическая «карта» римского империализма, представленная в «Деяниях божественного Августа»¹. В результате анализа пространственно-географических категорий, использованных в этом тексте, выясняется, каким образом мыслилось и структурировалось имперское пространство. Представленная в «Деяниях» имперская география искусно продумана в каждой своей детали и, как бы ни расходилась она с реальными историческими обстоятельствами и научно-географическими фактами, преподносится читателю таким образом, чтобы убедить его в том, что Рим властвует над миром и вся его обширная держава создана, защищена и обустроена прежде всего благодаря непревзойденным свершениям и усилиям первого принцепса. Эта география, хотя и использует реальные категории, во многом является имагинальной, символической; в ее рамках конкретные географические объекты наделяются определенными идеологическими смыслами, создающими в своей совокупности неотразимое впечатление об *imperium sine fine* — империи без границ во времени и пространстве. Выделяются пять характерных особенностей тех пространственных характеристик, которые при-сущи римскому миру, представленному в *Res gestae*. Этот мир представляет собой: 1) динамичное пространство империи, которое вышло далеко за пределы границ

Данные об авторе. Александр Валентинович Махлаюк — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и классических языков ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Светлой памяти А.Л. Смышляева, замечательного ученого и человека, посвящается эта статья. Ее черновой вариант Александр Леонидович успел прочитать и высказал, как всегда, ряд ценных замечаний и предложений, за которые я выражаю самую глубокую признательность.

Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00486 «Пространства и ландшафты в мемориально-историческом, религиозном и политическом дискурсах Античности и Средневековья». Отдельные положения статьи были представлены в докладе на Международной научной конференции «Пространства историй и истории пространств: метаморфозы восприятия, присвоение, созидание» в ННГУ им. Н.И. Лобачевского в ноябре 2018 г.

¹Далее — «Деяния».

республиканского времени; 2) «экуменическое» пространство, которое достигает самых дальних пределов ойкумены (*orbis terrarum*), по сути дела отождествляется с ней; 3) умиротворенное и упорядоченное пространство; 4) пространство дифференцированное, неоднородное и иерархическое с центральным положением Рима и Италии, пространство, в котором первенствующее место занимают римские граждане, доминирующие в провинциях и превосходящие все прочие народы; 5) пространство центристское, подчиненное, реально или потенциально, единой воле и ориентированное на одно лицо — принцепса.

Ключевые слова: Римский мир, *Res gestae divi Augusti*, Римская империя, пространство, ойкумена, *orbis terrarum*, император Август

THE SPACE OF THE ROMAN WORLD IN THE *RES GESTAE DIVI AVGVSTI*

Alexander V. Makhlayuk

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod — National Research University, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: makh1@imomi.unn.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-09-00486

The article deals with the mental-geographical “map” of Roman imperialism, represented in the *Res gestae divi Augusti*, the richest source for the study of the language of self-description and self-representation of the Roman Empire in the age of the principate. The analysis of the spatial geographical categories used in the text demonstrates how this imperial space was imagined and structured, perceived and described by Augustus. Imperial geography of the *Res gestae* is carefully elaborated in every detail and, no matter how much it disagrees with real historical circumstances and geographical facts, it is presented in such a way as to convince the reader that Rome has the dominion over the whole world and all of her vast imperial domain is created, protected, and ordered primarily thanks to the unsurpassed accomplishments and efforts of the first princeps. This geography, although using real categories, is largely imaginative, symbolic; within its framework ideological meanings are imbedded in some specific geographical objects and markers, and in their entirety these meanings create irresistible impression of an *imperium sine fine*, an empire without boundaries in time and space. Five specific features of the spatial characteristics inherent in the Roman world of the *Res gestae* can be pointed out. First, this world is a dynamic space of the empire, which has gone far beyond the borders of the Republican age. Second, it is a global space that reaches the farthest limits of the *oikoumene* (*orbis terrarum*) and is in fact identified with it. Third, this is a pacified and ordered space. Fourth, it is a differentiated, heterogeneous and hierarchical space centered Rome and Italy, the space where Roman citizens dominate the provinces and surpass all other peoples. Fifth, this is a centripetal space subordinated to and orientated towards the will of only one person, the *princeps*.

Keywords: Roman world, *Res gestae divi Augusti*, Roman Empire, space, *oikoumene*, *orbis terrarum*, emperor Augustus

Понятия «пространство» и «империя» нерасторжимо связаны друг с другом. Для имперского государства пространство является и сущностным признаком, и неизбежным бременем, и важнейшим ресурсом, и ценностью. Исторически имперские пространства по-разному формируются, по-разному структурируются и управляются, и эти процессы неотделимы от тех пространственно-географических представлений, которые вырабатываются в имперском обществе и в своей совокупности составляют ментальную карту, являющуюся неотъемлемой составной частью имперской идеологии и геополитического самоощущения, служат для осмысления имперской мир-системы, для легитимации, самоидентификации и саморепрезентации правящих элит². Такого рода представления, образующие в своей совокупности ментально-географическую «карту» римского империализма, нашли отражение и в таком важнейшем произведении, как политическое завешание-отчет, самопрославление (элогий) императора Августа — в его «Деяниях» (*index rerum a se gestarum*, как это сочинение названо у Светония: *Aug.* 101. 4, или, по более употребительному варианту, *Res gestae divi Augusti*, далее — *RG*), латинский и греческий тексты которых стали известны благодаря эпиграфическим открытиям³. Едва ли какой-либо античный текст может соперничать с этим памятником при изучении римского имперского дискурса. *Regina inscriptionum*, как вслед за Т. Моммзенем стали называть надпись с текстом Августовых «Деяний» из Анкиры (*Monumentum Ancyranum*), представляет тот редчайший в своем роде случай, когда основатель одной из величайших империй в истории человечества сам, от первого лица подводит итоги своего исключительно долгого политического пути и дает своеобразный отчет будущим поколениям о своих свершениях⁴. Уже одно только это обстоятельство делает «Деяния» незаменимым, наиболее артикулированным источником для исследования языка самоописания и саморационализации той парадигматической империи, каковой, по общему признанию, являлась римская держава эпохи принципата⁵.

Действительно, поскольку завоевание мира является одной из главных тем «Деяний»⁶, а соответствующие главы (прежде всего 25–33) можно считать, по словам К. Николе, уроками политической и военной географии (и эта черта

² Ср. Ruffing 2014, 437.

³ Об истории открытия и изучения, жанровых особенностях и целевой аудитории «Деяний» см. прежде всего Ramage 1987; Ridley 2003. О новейших исследованиях и дебатах см. Scheid 2016; Arena 2018; Marcone 2018.

⁴ Не менее знаменитая Бехистунская надпись персидского царя Дария все же не может служить прямой параллелью Анкирской надписи (Brunt, Moore 1967, 4).

⁵ Ruffing 2014, 401–447.

⁶ Bosworth 1999, 1. Ср. Gruen 1985, 54; Nicolet 1991, 15. В этом смысле этот текст следует признать отражением вполне традиционной картины римского империализма. Ср. Witschel 2008, 256–257: «Август представил вполне традиционную картину римского империализма, основой которой являлись победа и завоевание». Такой традиционный взгляд четко выражен, например, в известном пассаже из «Риторики к Гереннию» (IV. 13): *imperium orbis terrae, cui imperio omnes gentes, reges, nationes partim vi, partim voluntate consenserunt, cum aut armis aut liberalitate a populo Romano superati essent.* — «Владычество над миром, каковой власти все племена, цари, народы частью насильно, частью добровольно подчинились, поскольку либо оружием, либо щедростью римского народа были они покорены».

укоренена в самом характере текста⁷), стоит более пристально рассмотреть ту пространственную картину римского мира, что в явном и неявном виде представлена в *RG*, чтобы выяснить, каким образом показано и структурировано это пространство, в каких категориях оно воспринимается, как выглядит с точки зрения его исторических преобразований, имевших место в эпоху Августа. Обращение к этим вопросам, думается, тем более оправданно, что после ставшей классической книги Николе, который впервые подробно рассмотрел представления и знания о римском имперском пространстве, формы его репрезентации и контроля, сделав анализ географической картины мира, представленной в «Деяниях», отправным моментом своего исследования⁸, в научной литературе появились лишь отдельные работы, посвященные в основном частным, хотя и важным, аспектам темы⁹. При этом за минувшие десятилетия продолжалось интенсивное изучение как самих *RG* в самых разнообразных ракурсах и деталях, так и римской имперской идеологии, в том числе с точки зрения ее взаимосвязи с пространственными категориями и восприятиями, которые стали предметом широкого интереса с 1990-х годов. Было бы поэтому небезынтересно с учетом результатов новейших изысканий дополнить и развить анализ, проведенный авторитетным французским ученым, тем более что не со всеми его выводами можно в полной мере согласиться, как, скажем, с утверждением о том, что *RG* не являются текстом с символическим уклоном, но представляют скорее трезвое изложение фактов, использующее точные и бесспорные географические, исторические и политические понятия.

Анализируя дискурс *RG* под таким углом зрения, логично начать с тех пространственно-географических категорий и номенклатуры, которые весьма широко и разнообразно представлены в этом тексте¹⁰, насчитывающем почти 2500 слов. Но прежде чем их рассмотреть, стоит привести несколько ключевых пассажей, сопоставление которых наглядно показывает, в каких масштабах описывается пространственная составляющая в «Деяниях».

RG praescr.: *Rerum gestarum Diui Augusti, quibus orbem terra[rum] imperio populi Rom(ani) subiecit.* — «(Перечень) деяний божественного Августа, посредством которых он подчинил весь земной круг власти римского народа»¹¹.

RG 3.1: *[Be]lla terra et mari c[uius] ex[terna]que toto in orbe terrarum s[aepe] gessi.* — «По всему земному кругу и на суше, и на море я часто вел гражданские и внешние войны».

RG 13: *[I]anum Quirin[um], quem cl[ausum] ess[e] maiores nostri uoluer[unt], cum [per totum] i[mperium] po[puli] Roma[ni] terra marique es[set] parta uictoriis pax.* — «Как установили

⁷ Nicolet 1991, 19–20 (мы пользовались английским переводом французского издания Nicolet 1988). П. Ле Ру называет эту черту *un état d'esprit géographique*, «географическое состояние ума» (Le Roux 1990, 424); К. Гойс пишет о «географическом компендиуме» (Geus 2016, 80).

⁸ Nicolet 1991, 15–28 (Ch. 1. The *Res Gestae* of Augustus: Announcing the conquest of the world).

⁹ Как, например, интересная статья Гойса, в которой обращено внимание на обусловленность представленной в *RG* и других литературных памятниках картины мира особым «некартографическим» восприятием пространства, характерным для римлян (Geus 2016).

¹⁰ Ramage 1987, 55.

¹¹ Здесь и далее «Деяния» цитируются в переводе А.Л. Смышляева с отдельными уточнениями. Латинский и греческий тексты приводятся по изданию Scheid 2007.

наши предки, храм Януса Квирина запирают только тогда, когда во всей державе народа римского — и на суше, и на море — стоит мир, добытый победами».

RG 23: *Naualis proeli spectaclum populo de[di tr]ans Tiberim, in quo loco nunc nemus est Caesarum, cauato [s]olo in longitudinem mille et octingentos pedes, in latitudine[m mille] e[t] ducent[os].* — «Я устроил для народа зрелище морского сражения за Тибром, там, где сейчас находится роща Цезарей, вырыв для этого в земле (пруд) 1800 футов в длину и 1200 футов в ширину».

С одной стороны, первые два пассажа, как неоднократно отмечалось, явно указывают на «экуменические» притязания и «экуменическое» представление Августа о римской державе, которое вполне вписывается в традицию, утвердившуюся в Риме к середине — концу I в. до н.э.¹²; а в третьей из приведенных цитат наряду с характерным выражением *terra marique*¹³, восходящим к греческой традиции и выражающим в римской идеологии не только идею мирового господства, но и установление мира¹⁴, впервые в латинской литературе понятие *imperium populi Romani* использовано для обозначения территориальной целостности, т.е. империи как державы, подчиненной единоличной власти¹⁵. Примечательно, однако, что в греческом переводе *praescriptio* упоминание о владычестве над миром отсутствует, а в 13-й главе переводчик опускает ключевое указание на «всю державу народа римского», ограничиваясь констатацией, что мир установлен римлянами на всей земле и море (*εἰρηνευομένης τῆς ὑπὸ Ῥωμαίοις πάσης γῆς τε καὶ θαλάσσης*). Этот и подобные моменты, помимо собственно филологических деталей

¹² См. Cresci Marrone 1993, 95–98; Nicolet 1991, 15–16, 29, 41, 74 (a truly ecumenical geographic vision, «действительно “экуменический” географический взгляд»). Об этой традиции см. Vogt 1960, а также Geus 2016; Makhlaiuk 2018a; 2018b (мне осталась недоступной работа Spaar 2000, посвященная понятию *orbis terrarum* в Августовой идеологии). При этом правление Рима над *orbis terrarum* эксплицитно корреспондирует с достижениями и властью Августа так же, как у более ранних авторов оно связывалось с деяниями римских военачальников вроде Суллы или Помпея, и такое представление было обычным в начале principatus (Gargola 2017, 221). Стоит отметить, что это «экуменическое» видение Римской империи основательно укоренилось и в раннехристианской традиции (см. Jung 2017). В связи с 13-й главой «Деяний» уместно вспомнить пассаж из «Истории против язычников» Павла Орозия, который также сообщает о закрытии храма Януса Августом и пишет об установлении мира у всех народов в ойкумене, при этом обозначая (не без риторического преувеличения) ее географические параметры: «Таким образом, в год от основания Города 752-й Цезарь Август, объединив с запада на восток, с севера на юг и по всей окружности Океана (*per totum Oceani circulum*) все народы общим миром (*una pace*), лично закрыл тогда ворота Януса в третий раз» (Oros. VI. 22. 1; пер. В.Н. Парфенова с уточнением).

¹³ Это словосочетание использовано также в *RG* 4.2 и, несколько в ином смысле, в *RG* 26.4.

¹⁴ Momigliano 1942, особенно 63–64.

¹⁵ Richardson 2008, 131, 145. По словам Дж. Ричардсона, «единый (дееспособный) обладатель *imperium*’а имел квази-*provincia*, которая охватывала почти весь мир, и эта квази-*provincia* отныне называлась *imperium Romanum*» (ibid. 145). В таком же значении выражение *imperium populi Romani* использовано и в *RG* 27.1, где говорится о присоединении к империи Египта: *Aegyptum imperio populi [Ro]mani adiecti*. Однако в *RG* 30.1 сочетание с другим, хотя и однокоренным, глаголом придает этому выражению иной смысл: *Pannoniorum gentes... imperio populi Romani s[ub]ieci* — «племена паннонцев... я подчинил власти народа римского». При этом в греческом варианте использовано одно и то же слово: ἡγεμονία. См. Berthet 2008, 235.

и некоторых культурных реалий, отразившихся в греческом переводе, определенно указывают как на различие между собственно римской и провинциально-греческой целевыми аудиториями, которым адресовались «Деяния»¹⁶, так и на стремление переводчика, кем бы он ни был (грекоязычным римским чиновником или урожденным греком из Галатии, хорошо знавшим латинский язык), адаптировать и нюансировать текст таким образом, чтобы он был приемлем для эллинских подданных империи, для которых были более привычны монархические категории, а не республиканский традиционализм, подчеркиваемый Августом, и которым в то же время не хотелось ощущать себя народом, покоренным силой римского оружия. В этих нюансах проявлялась не только и не столько собственная культурная и политическая оптика переводчика, сколько определенная идеология, исходившая скорее всего от римских властей¹⁷.

С другой стороны, в четвертом процитированном пассаже приводятся точные размеры искусственного озера, выкопанного для проведения во 2 г. до н.э. по случаю освящения храма Марса Мстителя навмахии, изображавшей битву греков с персами при Саламине, которая для римлян была символом противостояния Запада и Востока¹⁸. Таким образом, мы видим, что автор «Деяний» оперирует пространствами в масштабах от ойкумены (*orbis terrarum*) в целом и до объекта площадью около 19,5 га (примерно 540 × 360 м). Примечательно также, что Август упоминает о последующем преобразовании этого озера в рощу, названную в честь его внуков (ср. Тас. *Ann.* XIV. 15. 2; Suet. *Aug.* 43.1), ненавязчиво акцентируя семейно-династическую составляющую своего правления. Таким образом, глобальная политика, общеимперская география и конкретная городская топография теснейшим образом переплетаются в нарративе о свершениях первого принцепса.

Что же касается тех почти 55 (этно)географических наименований, которые имеются в тексте *RG*, то Николе разделяет их на четыре группы¹⁹: 1) Рим, Италия²⁰ и 14 провинций²¹; 2) названия 24 стран и народов, включая народы, побежденные Римом, и народы, в той или иной степени ему подвластные, страны, куда были отправлены военные или исследовательские экспедиции, старинных врагов Рима или народы, с которыми Август первым установил дипломатические контакты, а также отдаленные народы, направившие к нему почетные посольства, и те, которые просили или получали царей от

¹⁶ Cornwell 2017, 89; ср. Cooley 2009, 27–28.

¹⁷ Wigtil 1982, 637. См. также King 1952; Vanotti 1975; Papaioannou 2011; Badami 2013, *passim*; Centanni 2013. Высказывается, впрочем, мнение, что перевод был выполнен на месте и не следовал каким-либо указаниям из центра (Thonemann 2012, 287–288).

¹⁸ Август умалчивает о теме этого сражения, но она, очевидно, была памятна современникам, если судить по отклику Овидия в *Ars am.* I. 171–174 (Syme 1984, 922). Также ср. Suet. *Aug.* 43. 1 (*nauale proelium circa Tiberim cauato solo, in quo nunc Caesarum nemus est*); Vell. II. 100. 2; Тас. *Ann.* XII. 56. 1; Dio Cass. LV. 10. 7; Eus.-Hier. *Chron. ab Abr.* 2014, 168 Helm. См. Coleman 1993, 51–54; Cooley 2009, 216–217.

¹⁹ Nicolet 1991, 20.

²⁰ Следует добавить и упоминание Кампании (*RG* 12.1).

²¹ Это Ахайя, Египет, Африка, Азия, Кирена, Галлии, Германия, Испании, Иллирик, Македония, Нарбонская Галлия, Писидия, Сицилия и Сирия. Однако в перечне Николе почему-то пропущена Сардиния, дважды упомянутая в *RG* (25.2; 27.3). Писидия, собственно говоря, провинцией не являлась: в 25 г. до н.э. эта область была включена в состав созданной Августом провинции Галатии, став важным регионом для выведения ветеранских колоний (Mitchell 1993, 61–63), и именно в таком качестве она упомянута в *RG* 28.1.

римлян²²; 3) восемь природно-географических объектов: четыре реки (Эльба [Albis], Дунай [Danuuius], Рейн [Rhenus] и Дон [Tanaïs]²³), три моря (Океан, Адриатическое, Тирренское — *Tuscum mare*²⁴) и Восток как сторона света (*sol oriens, Oriens*), а также горы Альпы; 4) шесть городов: *Actium*²⁵, *Ariminum*, *Gades*, *Mariba*, *Мерое* и *Nabata*.

Этим, однако, перечень категорий, характеризующих пространственные объекты и отношения, не исчерпывается. Оставляя за пределами нашего рассмотрения топографию самого города Рима²⁶, отметим такие понятия, не учтенные Николе, как *ager prouincialis* — «провинциальная земля» (16.1), *fines* — «границы, пределы» (26.1; 26.5; 30.1), *regio* — «область, регион» (26.3), *ripa* — «берег» (*fluminis Danu<u>*; 30.1), *ostium* — «устье» (*Albis, Rheni*; 26.2, 4), *colonia* — «колония (ветеранов)» (3.3; 16.1; 21.3; 28.1; 28.2), *municipium* (3.3; 16.1; 16.2; 21.3), *urbs* — «город» (= Рим: 11; 13; 20.4–5; 24.2), *riui aquarum*, *fons* — «водопроводы», «источник» (20.2), *pons* — «мост» (20.5), *ciuitas* — «община, город» (= население/граждане Рима в 5.2; города провинции Азия в 24.1), *oppidum* (*Nabata, Mariba*; 26.5), *uia Flaminia* (20.5), *prouincia* (12.2; 16.1; 24.1; 25.2; 26.1; 27.2; 27.3), *tractus* — «местность, край, область» (*solis orientis*) (26.4). Все они также характеризуют пространства, причем не только в собственно географическом смысле, но и с точки зрения их инфраструктурного наполнения (дороги, мосты, акведуки), правового статуса (земли провинциалов, муниципии, колонии, провинции), места совершения государственных актов (город Рим), объектов присвоения и преобразования; некоторые из них выступают и в качестве субъектов политического действия (муниципии).

Стоит также учесть глаголы, описывающие движение в пространстве либо те или иные действия с пространственными объектами, в частности: *pacare* — ‘усмирять, замирать’ (*mare, Gallias et Hispanias proui(n)cias, Germaniam, Alpes*) (25.1; 26.2–3); *augere* — ‘расширять, раздвигать, увеличивать’ (*fines prouinciarum*) (26.1); *nauigare, adire* — ‘плавать’, ‘доходить, достигать’ (26.4); *capere* — ‘занимать, захватывать’ (*oppida*); *peruenire, procedure* — ‘проходить,

²² Страны: Эфиопия, Аравия Счастливая (*Eudaimon*), Великая Армения, Индия. Народы: адиабены, албаны, бастарны, британцы, хариды (или геруды), кимвры, даки, далматы, германцы, иберы, маркоманы, меды (мидяне), паннонцы, парфяне, сабеи, сарматы, скифы, семноны, свевы, сугамбры. К народам нужно также добавить италиков (16.2) и армян (27.2). Вероятно, некоторые из этих этнических и географических названий были неизвестны или плохо знакомы современникам Августа (во всяком случае, адиабены и *Arabia Eudaimon* в латинской литературе впервые встречаются именно в *RG*, см. Nicolet 1991, 21), и их включение в текст призвано было наглядно продемонстрировать устремленность римской державы в еще неизведанные пространства.

²³ Следует также добавить и пятую реку — Тибр (*RG* 23).

²⁴ Море вообще, без уточнения названия, упоминается в тексте еще пять раз; и во всех случаях, за исключением одного, где говорится о морском плавании в области кимвров (*RG* 26.4), подразумевается Средиземное море.

²⁵ Стоит попутно отметить, что *Акций* назван для обозначения войны против Антония и Клеопатры: *be[ll]i, quo uici ad Actium* (*RG* 25.2). Таким образом Август изящно обходит необходимость назвать по имени своего главного противника в борьбе за единоличную власть. Контекст данного пассажа не позволяет определить, идет ли речь о городе или одноименном мысе.

²⁶ Она обильно представлена храмами, акведуками, мостами и прочими постройками; также упоминаются римские холмы (*Auentinus, Palatium, Capitolium*) и другие городские топонимы. См. указатель в Scheid 2007, 97–98.

переходить', 'доходить' (26.5); *adicere* — 'присоединять' (*Aegyptum*) (27.1); *facere*, *tradere*, *domare* — 'создавать, делать, превращать', 'передавать', 'усмирять' (*provinciam*) (27.2); *uergere* — 'быть обращенным' (*ad orientem*) (27.3); *possidere*, *occupare* — 'владеть', 'захватывать' (27.3); *proferre* — 'раздвигать' (*fines*) (30.1); *transgredi* — 'переходить', *ducere* — 'переправлять, переводить через' (*trans Danuvium*) (30.2). Большинство перечисленных глаголов, как можно видеть, относятся к сфере военно-политических действий, направленных на насильственное присвоение, расширение, покорение и удержание под контролем тех пространств, из которых собственно и складывалась «империя римского народа».

Уже сама по себе столь большая насыщенность текста подобного рода глаголами позволяет выделить в дискурсе «Деяний» такую характерную черту, как динамичность описываемого имперского пространства. Оно в изображении автора предстает как пульсирующее, охватывающее ближние и дальние территории, устремленное к крайним пределам мира²⁷. Это пространство не только непрерывно прирастает новыми территориями и провинциями в результате завоеваний (*RG* 27.1; 30.1), но и восстанавливается в прежних пределах благодаря отвоеванию утраченных владений²⁸, умиротворяется посредством военных и дипломатических акций, осуществляемых почти исключительно самим Августом или по его инициативе (25.1; 26.1–3; 27.2; 30.1–2²⁹; принцепс предстает и как великий завоеватель, и как «вождь-миротворец» — *pacificus dux*, как называет его Овидий: *Fast.* IV. 408). При этом расширение территории пограничных римских провинций понимается как способ обеспечения безопасности перед лицом (и за счет) тех соседних народов, которые не подчинялись власти Рима³⁰. Примечательно, однако, что Август упоминает только о расширении пределов тех провинций римского народа, которые граничили с народами, не подчинявшимися Риму³¹, но за исключением присоединенного Египта ни слова не говорит об учрежденных им провинциях (Реция, Паннония, Мезия, Галатия, Иудея)³². Но так или иначе, устанавливаемый

²⁷ Подобная характеристика применительно к Римской империи в целом отмечена В.И. Уколовой: Ukolova 2008, 22–23.

²⁸ Прежде всего стоит отметить *RG* 27.3, где говорится о возвращении ряда восточных владений Рима, которые были переданы Антонием царице Клеопатре и ее детям, а также о Сицилии и Сардинии, «захваченных во время рабской войны», т.е. Секстом Помпеем.

²⁹ Показательно в этом плане употребление форм первого лица даже там, где речь идет об акциях государства в целом. Это в первую очередь международные отношения и дипломатические миссии, стороной в которых выступает лично Август (см. ниже прим. 103); кроме того, автор «Деяний», по сути, отождествляет с собой государственные институты, такие как армия и флот: *colon[i]s militum meorum* (*RG* 15.3), *cla[ssis m]ea* (26.4), *ex[ercitus me]u[s]* (30.2), а указание на собственное правление использует фактически как датировочную формулу: *[a]nte me principem* (30.1), *me principe* (32.3).

³⁰ Ср. Nicolet 1991, 38.

³¹ *RG* 26.1: *Omnium prou[inciarum] populi Romani,] quibus finitimae fuerunt gentes quae non p[ararent imperio nos]tro, fines auxi.*

³² Heuss 1975, 70. О расширении пределов империи и создании новых провинций при Августе см., например, Gruen 1996.

Августом мир распространяется на весь круг земель³³, и сам принцепс в конечном итоге предстает как «умиротворитель вселенной» — *pacator orbis*³⁴.

Более того, горизонты этого мирового пространства расширяются и с помощью карательных военных акций (таких как упомянутый в *RG* 30.2 поход против даков за Дунаем³⁵) и разведывательных экспедиций, достигающих едва ли не самых крайних пределов обитаемого мира, как плавание от устья Рейна на восток до области кимвров, походы Гая Петрония в Эфиопию и Элия Галла в «Счастливую» Аравию (26.4–5)³⁶. Маркерами этих пределов становятся экзотические для современников этнонимы и топонимы: адиабены, албаны, бастарны, хариды и др., Набата на границе с Мероэ и Мариба в земле сабеев³⁷.

³³ Ср., например, выражение в *Laudatio Turiae*: *pacato orbe terrarum* (*CIL* VI 1527=31 670=37053=41062=*ILS* 8393). Ср. также надпись на монументе в Никополе, поставленном в честь победы при Акции: *paxe [...] parta terra [marique]* (*AE* 1937, 114=1977, 778=1992, 1534=1999, 1448=2002, 1297). В *Feriale Cumanum* (*CIL* X 3682=8375=*ILS* 108=*Inscr. It.* XIII.2, 44) по случаю годовщины посвящения Алтаря Мира (30 января) предусматривается жертвоприношение «власти (империю) Цезаря Августа» (*supplicatio imperio Caesaris Augusti*), который, согласно возможному восстановлению, именуется *custo[dis / i(imperii) R(omani) pacisque orbis terraru]m* — «хранитель Римской империи и мира во всем мире».

³⁴ О пропаганде этой функции императора при Августе см. Mastino, Ibba 2012, 146–156.

³⁵ Характерно, что об итогах этого похода Август выражается довольно-таки неопределенно (*RG* 30.2: «Переpravившиеся через нее (р. Дунай) войско даков было побеждено и уничтожено (армией) под моим верховным командованием, затем мое войско, перейдя Данувий, заставило племена даков переносить власть народа римского [*imperia populi Romani perferre coegit*]»). Другие источники мало проясняют хронологию и участников событий (Strab. VII. 3. 11–13; Suet. *Aug.* 21.1; Dio Cass. LIV. 36. 2 и особенно Flor. II. 28–29: *Daci in montibus inhaerent, inde Cotisonis regis imperio, quotiens concretus, gelu Danuvius iunxerat ripas, decurrere solebant et uicina populari. Visum est Caesari Augusto gentem aditu difficillimam summouere. Misso igitur Lentulo ultra ulteriorem perpulit ripam; citra praesidia constituta. Sic tum Dacia non uicta, sed summtota atque dilata est.* — «Даки засели за горами. При царе Котисоне, когда Данувий, затвердев от стужи, соединял берега, они обычно совершали набеги и опустошали окрестности. Цезарь Август задумал отбросить этот неуловимый народ. Отправив Лентула, он прогнал их на другой берег реки. По эту сторону были установлены сторожевые посты. Дакия, таким образом, не была побеждена, вернее, победа над ней отодвинута, отложена» (пер. А.И. Немировского). Вторжение даков обычно датируется 10/9 г. до н.э. О дискуссии по данным вопросам см. Strobel 2004; Visy 2015; Nemeth 2017.

³⁶ Август умалчивает о походе Л. Корнелия Бальба против гарамантов (21–20 гг. до н.э.), видимо, потому что тот совершил его под своими собственными auspiciis в качестве проконсула Африки (Plin. *NH.* V. 35–37).

³⁷ *RG* 26.5: *In Aethiopiam usque ad oppidum Nabata peruenit est, cui proxima est Meroe; in Arabiam usque in fines Sabaeorum processit exercitus ad oppidum Mariba* — «В Эфиопию (войско) вторглось вплоть до города Набата, к которому ближе всего находится Мероэ. В Аравии войско дошло до города Мариба на земле сабеев». Автор допускает здесь известное преувеличение, говоря о близости Набаты и Мероэ: расстояние между ними, согласно Плинию (*NH.* VI. 184), составляло около 360 римских миль (почти 500 км). Эти походы состоялись соответственно между 24 и 22 и в 25–24 гг. до н.э. В Эфиопии римляне захватили несколько городов, оставили гарнизон в Премнисе (совр. Каср Ибрим) и приняли капитуляцию местной царицы. Экспедиция Галла была менее удачной, но не полным провалом, как иногда считают: несмотря на значительные потери, туземные правители признали господство римлян. Об этих экспедициях см. Jameson 1968; von Wissmann 1978; Sidebotham 1986; Buschmann 1991; Marek 1993; Mayerson 1995; Bartenstein 2014, 11–70, 128–176; Wiegels 2015; Casella 2016.

Вводя в свой рассказ эти и подобные термины, Август конструирует особое пространство, выходящее за пределы привычного Средиземноморья, и тем самым, можно сказать, осуществляет его ментальное присвоение³⁸.

Действуя на этом миродержавном римском пространстве (*orbis Romanus*³⁹), римская власть если и не напрямую подчиняет себе, то втягивает в свою орбиту самые отдаленные народы, такие как «кимвры, хариды, семноны и другие германские народы из того же края» (26.4). При этом выше в той же главе (26.2) Август заявляет, что усмирил (*rasauī*) «провинции Галлии и Испании, а также Германию, которые омываются Океаном от Гадеса и до устья (реки) Альбы». Хотя и пишет он уже после разгрома легионов Вара, когда позиции римлян в завоеванных частях Германии были утрачены, он не просто объединяет эти три страны географически как западную часть римских владений, но фактически подразумевает, что и на германской территории тоже была организована провинция (что, кстати сказать, доказывается в современных исследованиях, опирающихся на археологический и эпиграфический материал⁴⁰). В числе признающих власть Рима упоминаются как восточные, так и западные народы: индийцы, впервые направившие посольства в Рим⁴¹, а также бастарны, скифы⁴²,

³⁸ Geus 2016, 82.

³⁹ Строго говоря, выражение *orbis Romanus* впервые появляется только в «Фарсалии» Лукана (VIII. 211; 441; X. 456).

⁴⁰ См., например, Eck 2015; 2018. Иначе: Welwei 2004a, 231–232. О германской политике Августа существует огромная литература, начиная с Т. Моммзена (Mommson 1905). Из специальных исследований и обзоров недавнего времени можно указать Lehmann, Wiegels 2007; Kühlborn *et al.* 2008; Bartenstein 2014, 128–176. В контексте нашей темы важны Welwei 2004a; 2004b.

⁴¹ *RG* 31.1: *Ad me ex In[dia regum legationes saepe] missae sunt.* — «Цари из Индии часто направляли ко мне посольства». Использование множественного числа и наречия «часто» создает впечатление о едва ли не полном подчинении юго-восточной оконечности мира (Geus 2016, 81). В действительности, по имеющимся свидетельствам, одно посольство прибыло к Августу в 25 г. до н.э. с дарами и *supplicationes*, когда он находился в испанской Тарраконе, т.е. проделало путь с одного края ойкумены на другой, как подчеркивает Орозий: если к Александру Великому, когда он находился на Востоке, прибывали посольства с крайнего Запада, то в случае с индийскими посольствами к Августу ситуация прямо противоположная (VI. 21. 19–20). Еще одно посольство посетило императора на Самосе и заключило договор о «дружбе» в 20 г. до н.э. (Dio Cass. LIV. 9. 8; ср. Strab. XV. 1. 73). Вероятно, такой подачей фактов Август стремился продемонстрировать свое превосходство над Александром (Nenci 1958, 296–298). Поэты склонны были усматривать здесь прямое подчинение римской власти: *India quin, Auguste, tuo dat colla triumpho.* — «Индия, Август, предоставляет свою шею для твоего триумфа» (Prop. II. 10. 15). Подробнее об отношениях с Индией в правление Августа см. Parker 2008, 210–214; Cooley 2009, 249–250; Vivero 2018.

⁴² Ср. Hor. *Carm. saec.* 53–57: *Iam mari terraque manus potentis / Medus Albanasque timet secures; / iam Scythae responsa petunt, superbi / nuper et Indi* — «Вот на суше, на море перс страшится / Ратей грозных, острых секир албанских, / Вот приказов ждут уже скиф и индус, / Гордый недавно» (пер. Н.С. Гинцбурга); *Carm.* IV. 14. 41–44: *Te Cantaber non ante domabilis / Medusque et Indus, te profugus Scythes / miratur, o tutela praesens / Italiae dominaeque Romae* — «Узды не знавший прежде кантабр и перс, / Кочевник скиф и индус — дивятся все / Тебе, Италии и Рима / Здесь на земле, покровитель мощный!» (пер. Н.С. Гинцбурга). О посольстве скифов, прибывшем к Августу в Тарракон в 25 г. до н.э., упоминает Орозий (VI. 21. 19–20).

сарматы, албаны, иберы⁴³, ищущие дружбы с Римом и также отправляющие посольства к императору (31); адиабены, британцы⁴⁴, сугамбры, маркоманы и свевы, вожди которых тоже ищут убежища в римских пределах; наконец, парфяне и мидяне, которые также просят об убежище и дружбе, отправляют к императору в Италию своих детей и внуков в качестве заложников и обращаются к Августу с просьбой назначить им царей⁴⁵ (32–33). Как великое достижение и личную заслугу преподносит Август заключенный в 20 г. до н.э. договор с парфянским царем Фраатом IV в соответствии с которым были возвращены захваченные в прежних конфликтах римские знамена (29.2) и который, по существу, преподносился как победа над грозным противником, означавшая установление римского владычества над восточной державой⁴⁶.

Кроме того, по словам Августа, «и многие другие народы, которые раньше не были связаны с народом римским ни посредством посольств, ни благодаря дружбе, во время моего принципата (решились) испытать покровительство народа римского» — *p(opuli) Ro[m(ani)] fidem* (32.3). В числе этих *plurimaeque aliae gentes* вполне могли подразумеваться гарманты и эфиопы, которые направляли посольства к Августу⁴⁷, а также кимвры, которые послали ему священный котел (Strab. VII. 2. 1; 3), и, возможно, китайцы (серы), которые включены Флором в перечень народов, искавших дружбы Августа (Flor. II. 34. 62; ср. Ног. *Carm.* I. 12. 56; IV. 15. 23). Такое довольно неопределенное утверждение принцепса подразумевает, что Риму потенциально подвластно еще большее число народов и еще более обширные мировые пространства, чем те, что непосредственно указаны в тексте. Искательство римской дружбы и арбитража со стороны народов, обитающих далеко от средиземноморского мира, преподнесенное в главах 31–33 как бескровное завоевание⁴⁸, показывает, что и сам державный римский народ, по примеру своего принцепса, готов к дружбе и сотрудничеству с иноземными народами.

⁴³ Эти же племена (за исключением сарматов) были перечислены в надписи Помпея во время его триумфа (Plin. *NH.* VII. 26. 97–98), так что в этом перечне можно видеть подспудное сравнение с завоеваниями Помпея (ср. Colley 2009, 250).

⁴⁴ Август называет этих британских царей по имени: Думнобеллаун и Тинкомар (RG 32.1). Их, очевидно, следует отличать от тех племенных вождей, которые, согласно Страбону (IV. 5. 3), заключили с Августом договор о дружбе, «отправив к нему посольства и оказывая знаки уважения; они посвятили дары в Капитолии и сделали весь остров фактически достоянием римлян» (пер. Г.А. Стратановского). Это позволило принцепсу под благовидным предлогом отказаться от планировавшегося завоевания Британии (Gruen 1996, 189, п. 220).

⁴⁵ Выразительным комментарием к этой части «Деяний» может служить пассаж Светония: «Союзных царей он связывал друг с другом взаимным родством, с радостью устраивая и поощряя их брачные и дружеские союзы. Он заботился о них как о *члестах и членах единой державы* (*membra partisque imperii*)» (Suet. *Aug.* 48; пер. М.Л. Гаспарова; курсив мой. — А. М.).

⁴⁶ Ср. Dio Cass. LIV. 8. 1–3; Vell. II. 91. 1; Suet. *Aug.* 21. 3. Как свидетельствуют отклики на это событие в поэзии Августового века, данной акцией действительно удалось создать в обществе такое впечатление. Из недавних работ на эту тему см. Havener 2016, 253–276; Babnis 2017. Внедрение соответствующей идеи прослеживается в памятниках архитектуры, изобразительного искусства, а также монетных выпусках (см., например, Schäfer 1998; Oswald 2012).

⁴⁷ Scheid 2007, 82.

⁴⁸ Bosworth 1999, 16.

Рим выступает как действительный центр всей ойкумены, и такое законное положение Рима в мире есть позитивное следствие прекращения гражданских войн⁴⁹. Динамичность — и исключительность — такого пространственного расширения державы прямо подчеркивается заявлениями Августа о том, что он первым добился таких достижений, впервые совершил то или иное деяние (ср. *RG* 13; 26.4; 30.1; 31.1)⁵⁰.

Обрисованная таким образом этногеографическая картина мира явно демонстрирует стремление Августа убедить читателей в завершенности покорения всего обитаемого мира, вплоть до самых отдаленных его уголков, чего не удалось добиться никому из правителей прошлого. Так, указание в связи с бастарнами, скифами и сарматами на реку Танаис может служить отсылкой к Александру Великому, со времен которого эта река считалась границей между Европой и Азией (ср., например, *Arr. Anab.* III. 30. 8; *Curt.* VII. 6. 12) и символом мирового господства. Соответственно Август, подразумевая подчинение племен по обоим берегам этой реки, стремился показать, что она перестала быть просто географической границей, но была инкорпорирована в его империю⁵¹. Упоминание же албанов и мидян в 31-й главе явно отсылает к Каспийскому морю, на берегах которого они обитали, а стало быть, и к Океану, заливом которого это море считалось⁵². Еще одна имевшая ключевое значение река, Дунай, упомянута в сообщении о покорении паннонцев Тиберием в 12–9 гг. до н.э., что позволило расширить границы Иллирика (30.1: *protulique fines Illyrici ad ripam fluminis Danu[<u>]i*). Если учесть, что в следующей фразе говорится о карательной экспедиции против даков за Дунаем, то можно признать, что эта река явно представлена как важный символический маркер римских завоеваний, выступая одновременно и рубежом, отделяющим римские владения от потенциально враждебных варваров, и линией контроля, и отправным пунктом последующих военных кампаний⁵³. Впрочем, не менее красноречивыми являются и умолчания автора «Деяний». В частности, нет никаких упоминаний о Евфрате⁵⁴, хотя он нередко фигурирует в современных Августу текстах как знаковый рубеж, на который простирается власть Рима (например: *Prop.* III. 4. 4: *Tigris et Euphrates sub tua iura fluent*; ср. II. 10. 13; *Anth. Pal.* IX. 297. 1–2, цитируется ниже)⁵⁵. Возможно, наследник Цезаря, помня о восточных походах своих предшественников и, главное, рассматривая договор 20 г. до н.э. с Парфией как особую победу, считал излишним как-то конкретизировать восточные пределы своей империи⁵⁶.

⁴⁹ Lange 2008, 198.

⁵⁰ Ср. Brunt 1990, 449.

⁵¹ Bosworth 1999, 15.

⁵² Bosworth 1999, 15.

⁵³ Campbell 2012, 188.

⁵⁴ Edwell 2013, 200.

⁵⁵ Для Страбона же Евфрат — естественная граница между Римской державой и Парфией (XVI. 1. 28): «Ὅριον δ' ἐστὶ τῆς Παρθυαίων ἀρχῆς ὁ Εὐφράτης ἡ περὶ αὐτὰ τὰ δ' ἐντὸς ἔχουσι Ῥωμαῖοι. — «Пределами парфянской державы являются Евфрат и области на той стороне реки. Земли же на этой стороне реки принадлежат римлянам».

⁵⁶ Ср. также Polverini 2011–2012.

Это, однако, нисколько не мешает Августу развивать идею имперско-го «экуменизма». Она, как уже было сказано, находит свое прямое выражение в приложении понятия *orbis terrarum* к римской державе⁵⁷ и является, по сути, лейтмотивом «внешнеполитического» раздела «Деяний». И хотя в реальности пределы империи отнюдь не совпадали с той ойкуменой, которая была известна древним на рубеже эр⁵⁸, тем не менее в тексте «Деяний» все четыре оконечности обитаемого мира так или иначе обозначены⁵⁹, причем именно в качестве таких пространств, на которые непосредственно или виртуально простирается римская власть. На севере это та территория германцев, «до которой раньше не добирался ни один из римлян ни по суше, ни по морю» (26.4), и земли германских племен, ищущих римского покровительства. На крайнем юге это Мероэ (которая считалась южным пределом обитаемого мира — Strab. II. 5. 7), Эфиопия и Аравия, куда дошли римские легионы; в данном случае само название *Arabia Eudaimon* (=Felix) подразумевает близость Океана⁶⁰. Указанием на восточные пределы являются упоминания посольств от индийских царей, причерноморских и азиатских кочевых народов, обитающих на краю света; западные и северо-западные — Океаном «от Гадеса и до устья Альбы» (26.2), который образует *nec plus ultra* завоеваний⁶¹, а также Британией в лице некоторых ее правителей, готовых признать римскую власть. При этом Гадес символически выступает как отправной пункт для завоевания Вселенной⁶², а косвенные отсылки к южному океану (Счастливая Аравия) и Каспийскому морю (народы албанов и мидян, обитавшие на его берегах) позволяют, таким образом, замкнуть «круг земель», омываемый со всех сторон Океаном, и по сути дела отождествить его с римским миром. И такая пространственная конструкция подразумевает, что Август превзошел и Помпея, и Цезаря, и самого Александра Великого как покоритель «вселенной», ибо в отличие от своих великих предшественников подчинил своей власти и Юг, и Север, и Восток, и Запад ойкумены⁶³, причем добился этого не только военной силой, но также дипломатией и гуманностью⁶⁴.

⁵⁷ Такое отождествление «круга земель» (=ойкумены) с римским миром находит многочисленные параллели в эпиграфике и литературе (как в греческой, начиная с Полибия, так и в латинской), относящиеся и к эпохе Августа, и к более раннему периоду. Начиная же с Августа можно говорить о превращении понятия «ойкумена» (*orbis terrarum*) из географического в геополитическое, обозначающее некую форму гегемонии и державы (Scheppens 1998).

⁵⁸ О соотношении реальных границ империи с теми, которые в том или другом виде обозначены в *RG*, см. Vanotti 1987.

⁵⁹ Jung 2017, 61–62.

⁶⁰ Bosworth 1999, 14–15. Август различает две Аравии: Счастливую (т.е. царство сабеев на юго-западе), омываемую Океаном, и царство набатеев (Nicolet 1991, 21).

⁶¹ Bosworth 1999, 14. См. также Roman 1983.

⁶² «Гадес является просто исходным или конечным пунктом завоевания мира (*la conquête cosmographique*)» (Roddaz 2004, 271).

⁶³ Cooley 2009, 32–33, 36–37, 222; Scheid 2007, 70. Подробнее см. Nenci 1958, 290–298; Braccesi 1991, 34, 47–49.

⁶⁴ Эту идею, лейтмотивом проходящую через текст *RG*, красноречиво выразил Николай Дамасский в «Жизнеописании Августа», соответствующий пассаж которого выглядит как своего рода резюме «Деяний»: «Управляя наибольшим, насколько мы знаем, числом народов, он отодвинул границу римской державы до самых дальних пределов. Он не только прочно подчинил себе эллинские и варварские народы, но

Завершенность завоевания на Западе и Востоке подчеркивается и самой позицией нарратива. По наблюдению Х. Корнвелл, в 11-й главе сообщается, что возвращение Августа из Сирии в Рим в 19 г. до н.э., после дипломатического урегулирования отношений с Парфией, было отмечено посвящением алтаря Фортуны Возвращающей, а в следующей главе рассказано, что по случаю его возвращения в 13 г. до н.э. по завершении дел в Испании и Галлии сенат постановил посвятить на Марсовом поле Алтарь Мира. Таким образом, ara Fortunaе Reducis становится памятником триумфа над Востоком, а ara Pacis знаменует победы на Западе, тогда как глава 13 представляет кульминацию — установление мира во всей «империи римского народа» с закрытием ворот храма Януса⁶⁵.

При этом наличие стран и народов, еще не подчиненных непосредственно римскому господству (*gentes quae non p[ar]arent imperio nos[tr]o* — 26.1), ничуть не противоречит заявлению о подвластности Риму всего *orbis terrarum*, поскольку они, с точки зрения Августа, добровольно признают могущество и как минимум косвенное доминирование Рима⁶⁶ и являются либо «друзьями римского народа» (этот статус, как известно, трактовался римлянами как форма «вассальной» зависимости или клиентелы⁶⁷), либо *потенциальным* объектом дальнейших завоеваний, призванных сделать весь «круг земель» полностью, до самых крайних его пределов, прямо подвластным римскому государству. Второе представление ярко отражено в эпиграмме Антипатра Фессалоникийского, адресованной Августу (по своему экспансионистскому пафосу она находит немало параллелей и в латинской поэзии того времени)⁶⁸:

Шествуй войной на Евфрат, сын Зевса! Уже на Востоке

Сами парфяне теперь предаются тебе.

Шествуй, державный, — и луки, увидишь, расслабятся страхом.

Кесарь, с Востока свой путь, с края отцов начинай

И отовсюду водой окруженному Риму впервые

Новый предел положи — там, где восходит заря⁶⁹.

Anth. Pal. IX. 297 (пер. Л.В. Блуменау)

Важно, однако, подчеркнуть, что Август, в отличие от предшествующих покорителей мира, с которыми он вступает в заочное, виртуальное состязание⁷⁰,

и расположил к себе их умы. Сначала он принял оружие, но впоследствии им уже не пользовался, так как все добровольно ему подчинились, привлекаемые его все более очевидной гуманностью. Он подчинил и такие народы, названия которых люди до этого времени не знали, а также такие, которые... никогда не признавали над собой ничьей власти, как, например, все те, которые живут по реке Рейну и за Ионическим морем. Усмирил он и иллирийские племена» (*FGrHist* 90 F 125. Пер. Е.Б. Веселаго).

⁶⁵ Cornwell 2017, 159.

⁶⁶ Nicolet 1991, 43.

⁶⁷ Baltrusch, Wilker 2015, *passim*.

⁶⁸ Ср., например: *Hog. Carm.* I. 2. 51–52; 12. 53–57; 21. 15; 29. 1–5; 35. 29–32; II. 9. 18–24; III. 3. 43–48; 5. 1–4; *Epod.* 7. 7–10; *Sat.* II. 1. 14–15; *Verg. Georg.* 3. 32–33; 4. 61; *Aen.* VII. 603–606; *Prop.* II. 10. 13–18; III. 4. 1–6; IV. 6. 80–82; [*Tibul.*] *Pan. Mess.* 137–150; *Ovid. Ars am.* I. 177–228; *Rem. am.* 155–158. См. Syme 1978, 48–54.

⁶⁹ В предпоследней строке речь идет не просто о водном пространстве, а об Океане: Ῥώμην δ' ὤκεανόν περικέκρονα πάντοθεν αὐτὸς πρῶτος.

⁷⁰ Более того, он берет их в определенных отношениях за образец, как, скажем, Помпея, который, по словам Плутарха (*Pomp.* 38.2), стремился «замкнуть Красным

стремился предстать не только как завоеватель, властитель и миротворец, но и как устроитель внутреннего пространства империи⁷¹. Акцент делается также и на его целенаправленном обустройстве: путем выведения ветеранских колоний в Италию и в провинциях (*RG* 3.3; 16; 28), ремонта водопроводов, дорог и мостов (20.1; 20.5), возвращения похищенных украшений в храмы (24.1), личной заботы принцепса о реорганизации провинций (12.2), о государственных финансах и налогоплательщиках (17–18), не говоря уже о масштабных работах по восстановлению и строительству общественных сооружений в самом Риме, о чем подробно сообщается в тексте (19–21)⁷². Все это так же служит величию и процветанию империи⁷³, как и тот «победами установленный по всей Римской державе на суше и на море мир» ([p]er totum i[m]perium populi Roma[ni] terra marique es[set] parta uictoriis pax), о котором Август говорит в 13-й главе, сообщая о закрытии храма Януса. Именно такая пропагандистская линия принцепса находила отклик среди граждан и подданных Империи, включая и греческий Восток, откуда происходят выразительные величальные формулы, которые, конечно, можно отнести на счет *Graeca adulatio*, но все же нельзя не принять во внимание, оценивая общую идеологическую подоплеку «Августова мира» как «экуменического» и, более того, космократического проекта⁷⁴. Так, в посвящении из Тлоса принцепс назван основателем космоса: [κ]τίς[την λα]ντὸς [τοῦ κόσ]μου (*TAM* II 556), а в надписи из Миры в Ликии он именуется эвергетом и спасителем всего космоса (*IGRR* III 719). В эдикте (*decretum de fastis prouincialibus*) Павла Фабия Максима, наместника провинции Азия, говорится, что Август «придал всему миру (πάντι τῷ κόσμῳ) иной

морем круг своих походов»; см. Roddaz 2004, 265. В то же время, если принять во внимание, что самым известным деянием Помпея было очищение моря от пиратов, то описание Августом победы над Секстом Помпеем как победы над пиратами (25.1: mare pascui a praedonibus) выглядит довольно ироничным (Tuori 2018, 206; ср. Fugmann 1991; Cooley 2009, 221). Разумеется, повествование о беспрецедентных по географическому охвату завоеваниях подспудно подразумевает сопоставление не только с римскими предшественниками, но в первую очередь с Александром Великим. Специальный анализ *imitatio* (*aemulatio*) *Alexandri* в «Деяниях» представлен в работе Nenci 1958. См. также Kienast 1969; García Moreno 1990; Braccesi 1991.

⁷¹ Именно в таком качестве он поименован в известной надписи из Пизы: *custos imperii Romani totiusque orbis terrarum praeses* (*ILS* 140, 8; 4 г. н.э.). См. также прим. 33.

⁷² О преобразовании Августом городского пространства Рима см., например, Wallace-Hadrill 1993; Favro 1996; Haselberger 2007.

⁷³ О подобном восприятии строительной активности Августа свидетельствуют слова Витрувия: «Ты озабочен не только общим благополучием и установлением государственного порядка, но и постройкой целесообразных общественных зданий, дабы благодаря тебе не только расширились пределы государства присоединением к нему новых областей, но чтобы величие империи приумножилось и возведением великолепных общественных зданий» (*De arch.* Praef. 2; пер. Ф.А. Петровского). Примечательно, что в греко-римской риторической традиции имела распространение критика Александра Великого, который, совершив огромные завоевания, не успел обустроить свою державу (*Sen. Suas.* I. 8; *Ael. Arist. Or.* 26. 24–26 Keil). Согласно Плутарху, Август удивлялся тому, что Александр не считал задачу обустроить завоеванную державу более важной, чем осуществить завоевания (*Mor.* 207d).

⁷⁴ См. Makhlaiuk 2018b. Подробнее об «экуменической» составляющей императорской титулатуры см. Mastino 1986 (специально об Августе 70–73); Cresci Marrone 1993, 167–168.

облик», миру, «который погиб бы, если бы он не родился на всеобщее счастье (τὸ κοινὸν πάντων εὐτύχημα)»⁷⁵. Подобного рода свидетельства подтверждают наличие в римской имперской идеологии своеобразного «космизма», который выводит имперское пространство на более глобальный уровень, но при этом так или иначе замыкается на персоне правителя.

Нужно также сказать, что сопоставление латинского и греческого текстов «Деяний» обнаруживает различное понимание мира (рах) римлянами и греками. Для первых мир — это в первую очередь результат военных побед, *parta victoriis рах*⁷⁶, а не просто отсутствие войны, тогда как пропуск в греческом переводе «побед», вероятно, указывает на восприятие эллинами мира как привнесенного извне, как простой противоположности состоянию войны, а отсутствие в переводе «империи римского народа», как было отмечено выше, означает стремление избежать указания на господство римлян⁷⁷. Но такой мир «на суше и на море» был оправданием римского правления, как власть над морем была условием свободы Афин, а власть над землей и морем — эллинистическим определением суверенного эллинистического правителя⁷⁸.

Из уже приведенного материала можно также заключить, что общее пространство римского мира в «Деяниях» представляется разнородным, анизотропным и иерархически структурированным, прежде всего с точки зрения политического и правового статуса его населения и составляющих его территориально-административных единиц (городов, общин, провинций и т.д.) и этнических общностей. В этом мире существует разделение на имперский народ римлян и подвластные ему народы, которые включают подданных империи разного статуса и те *externae gentes*, которые могут быть удостоены пощады и оставлены до поры до времени вне прямого подчинения Риму (*RG* 3.1). Провинции в лучшем случае являются объектом отдельных

⁷⁵ *SEG* IV: 490 (= *OGIS* 458, 40) (9 г. до н.э.). В этом эдикте проконсул предлагает городам провинции ввести летоисчисление со дня рождения Августа (τὸ ἀπὸ τῆς ἐκείνου γ[ενέ]σεως ἀρχεῖν τῷ βίῳ τὸν χρόνον), ориентируясь, очевидно, на эллинистические образцы. Однако и сам Август в *RG* 13, констатируя установление всеобщего мира, упоминает о своем рождении как о некоем начале новой эпохи в истории Рима: «от основания Рима и до моего рождения» (*priusquam nascerer*). Таким образом, римская ойкумена вступает в новую эру своей истории (Licandro 2016, 233–236, 243). Если же сопоставить этот пассаж с другими, в которых имеются ссылки на время правления Августа или на беспрецедентность его свершений и почестей (*RG* 10.2; 12.1; 16.1; 26.4; 30.1; 31.1; 32.3), то можно вслед за В. Энслином обнаружить прямую параллель с известными строками из «Энеиды», содержащими пророчество о рождении Августа, который «власть ограничит свою Океаном, звездами — славу», и о том, что «войны проклятые двери прочно железо замкнет» (Verg. *Aen.* I. 286–287; 293–294; пер. С.А. Ошерова). Вполне вероятно, что он знал эти стихи Вергилия, как и свой гороскоп и многие другие пророчества, о которых подробно сообщает Светоний (*Aug.* 94). Это подкрепляет вывод о том, что Август стремился подчеркнуть значение своего рождения и связь своих деяний с установлением *рах Romana*, который теперь стал *рах Augusta*. См. Ensslin 1932, 362–365.

⁷⁶ В греческом тексте вместо этого выражения использован глагол в медиальном залоге: εἰρηνεύεσθαι. О соответствующем понимании римлянами мира и роли императора в его установлении см. de Souza 2008, особенно 80–90. Подробный анализ понятия *parta victoriis рах* представлен в работе: Havener 2016, 193–252.

⁷⁷ Vanotti 1975, 313; Rich 2009, 140–141; Badami 2013, 38–41.

⁷⁸ Momigliano 1942, 63–64.

благодетелей, вроде возвращения храмовых сокровищ общинам провинции Азия⁷⁹ (24.1) или великодушного выкупа провинциальных земель, изымаемых под выведение римских колоний (6.1)⁸⁰. Господствующим же, безусловно, является *populus Romanus*. В тексте «Деяний» он упоминается 17 раз, и еще 9 раз *populus* употреблен без эпитета, но в значении «римляне» (*cives Romani*). Если к этому добавить 6 упоминаний римских граждан и 3 упоминания плебса, то получается, что *populus Romanus* как субъект политического действия или объект благодетелей принцепса фигурирует в тексте чаще, чем сенат (28 упоминаний). Показательно при этом, что во внешнеполитических главах (26–33) народ упоминается 9 раз, тогда как сенат ни разу⁸¹. Это помимо всего прочего означает, что выражение *imperium populi Romani* не было просто конвенциональным словоупотреблением, но действительно указывало на субъектность римлян как имперского народа, который был и главным бенефициаром военных и дипломатических побед принцепса, и — имплицитно — создателем и сувереном мировой державы⁸². Поэтому правомерно рассматривать римский империализм и как господство, осуществлявшееся не в силу принадлежности к тому или иному рангу, классу, имущественному или гендерному статусу, а благодаря вхождению в состав определенного народа⁸³. Надо только оговорить, что *populus Romanus* был не этнической общностью в современном смысле слова, но политико-правовым субъектом.

Вместе с тем *res publica* как достояние и государство римского народа в известном смысле противопоставлена державе в целом, что обнаруживается при сравнении латинского текста с греческим переводом: в тех местах, где Август пишет о своих благодеяниях по отношению к *res publica* (подразумевая, очевидно, гражданский коллектив), греческий переводчик предлагает варианты, подразумевающие всю империю⁸⁴. Так или иначе, во главе всего держав-

⁷⁹ Примечательно, что в греческой версии слово «провинция» в этом пассаже не переведено, что также может свидетельствовать о сознательной попытке избежать аллюзий на подчиненный статус греков (Vanotti 1975, 316).

⁸⁰ Bosworth 1999, 13.

⁸¹ Lyubimova 2017, 249.

⁸² Ср. *RG* 26.1, где говорится о *prouinciarum populi Romani* = ἐπαρχείων δήμου Ῥωμαίων, хотя явно имеются в виду так называемые императорские провинции, которые при необходимости приходилось усмирять. Это значит, что различие «провинций Цезаря» и «провинций народа» не имело существенного значения для Августа и все они мыслились как достояние римского народа. См. Mezheritskiy 2016, 780; ср. Lyubimova 2017, 249–250.

⁸³ Woolf 2001, 314.

⁸⁴ Из семи употреблений понятия *res publica* в латинском тексте *RG* (считая заголовки) в греческом тексте оно трижды оставлено вообще без перевода (заглавие, гл. 25.1 и 34.1), что само по себе (как и пропуски в переводе понятия *imperium* в заглавии и гл. 13) представляет деяния Августа как направленные на благо всей державы, а не только государства римлян. В остальных случаях используются такие эквиваленты, как τὰ κοινὰ πράγματα (1.1: освобождение государства от господства клики), τὰ δημόσια πράγματα (1.3: поручение позаботиться, чтобы государство не потерпело ущерба; 7.1: упоминание о триумвирских полномочиях Октавиана) и τῇ πατρίδι (2). При этом примечательна замена *res publica* на ἡ πατρίς, которая делает заговорщиков, убивших Цезаря, не просто врагами государства, а предателями родины. Подробнее см. King 1952, 223–224, 225–226 (автор, правда, ошибочно пишет о восьми упоминаниях *res publica* в «Деяниях»).

ного миропорядка, согласно «Деяниям», безусловно, находится сам город Рим, *urbs Roma*, как средоточие римской власти и главный объект благоденствия принцепса, в связи с которыми подробно освещена топография города⁸⁵. Центральное внимание к Риму находит эксплицитное выражение в структуре «Деяний»: из 35 глав почти 20 полностью или в значительной мере сосредоточены на Риме, в том числе в 10 упоминаются постройки, храмы, акведуки и дела Города. При этом победы над иноземными народами трансформируются в события, происходящие в столице, прежде всего в триумфы и другие почести принцепса⁸⁶, который не только украшает Город, но и упрочивает его связи с империей⁸⁷.

Далее по значимости следует Италия, которая упомянута в «Деяниях» шесть раз (10.2; 16.1; 21.3; 25.2; 28.2; 32.2) — заметно чаще всех прочих топонимов⁸⁸. При этом Италия в двух политически значимых случаях (выборы Августа верховным понтификом и принесение ему присяги перед войной против Антония и Клеопатры) выступает как *cuncta et tota* (10.2; 25.2); при этом эпитет *tota*, по справедливому мнению П. Поччетти⁸⁹, служит для того, чтобы подчеркнуть единодушие и единство италиков и в то же время указывает на сложноставность Италии, различные части которой находят общую точку соприкосновения в императорской власти. Идея Италии как политического целого оставалась еще относительно новой и была важна для саморепрезентации Августа⁹⁰, так же как и для Цезаря, который выставлял себя поборником италиков (Caes. *BC*. I. 2. 2; 6. 3; 9. 4; 35. 1). Кроме того, Август особо подчеркивает, что 28 выведенных под его руководством (*mea auctoritate*) в Италии ветеранских колоний были при его жизни «многолюднейшими и богатейшими» (*celeberrimae et frequentissimae*: 28.2)⁹¹.

Вполне ожидаемо, что эта картина имперского владычества над территориями, народами и всем «кругом земель» в основных своих чертах коррелирует с теми идеологическими установками, общей идейной атмосферой в римском обществе и официальной пропагандой, которые отражены в многочисленных литературных произведениях, архитектурных и изобразительных памятниках,

⁸⁵ О городе Риме как имперской столице и императорском дворце как средоточии власти над империей см. Haensch 2012; Roys 2014 (с литературой). Примечательно, что в греческом переводе соответствующих глав специфические римские топографические понятия упрощены, подробности, относящиеся к отдельным зданиям, обобщены, а римские имена богов заменены греческими эквивалентами (Vallat 2008; Centanni 2013, 345–347).

⁸⁶ Gargola 2017, 221–222.

⁸⁷ Clarke 2008, 208.

⁸⁸ Испания упоминается пять раз (или шесть, если *Hispania utraque* в *RG* 28.1 считать за двойное упоминание — так в указателе к изданию Шайда: Scheid 2007, 98).

⁸⁹ Poccetti 2016, 35.

⁹⁰ Marcone 2017, 55–64.

⁹¹ В греческом варианте этого пассажа пропущены указание на *auctoritas* и превосходная степень эпитетов, и такая модификация текста затушевывает связь между политическим решением Августа и процветанием ветеранских поселений (Badami 2013, 33). Отметим также, что общее число выведенных Августом колоний в Италии скорее всего было больше 28 (см., например, Brunt 1971, 608–610). Об этих колониях ср. Suet. *Aug.* 46.

надписях и монетных выпусках Августова века⁹². Представленная в «Деяниях» имперская география, без сомнения, искусно продумана в каждой своей детали и, как бы она ни расходилась с реальными историческими обстоятельствами и научно-географическими фактами (которые, надо сказать, были прекрасно известны самому Августу⁹³), преподнесена читателю таким образом, чтобы убедить его в главном — в том, что Рим властвует над миром и вся его обширная, единственная в своем роде держава создана, защищена и обустроена прежде всего благодаря непревзойденным свершениям и усилиям «отца отечества», который, так же как и римляне раннереспубликанской эпохи, мог бы сказать, что сражался *pro libertate et imperio*⁹⁴ (Liv. II. 23. 2). Эта география, хотя она и использует реальные категории, во многом является имажинальной, символической; в ее рамках те или иные конкретные географические объекты, категории и маркеры наделяются идеологическими смыслами и обертонами, создающими в своей совокупности неотразимое впечатление об исполнении знаменитого обетования, данного Юпитером Энею, — создании *imperium sine fine*, империи без границ во времени и пространстве⁹⁵. Очерченное таким образом имперское пространство гораздо шире, нежели то, которое, говоря о положении Римской державы на момент смерти Августа и главных достижениях принцепса, обозначает Тацит в чеканной формулировке: *marī Oceano aut amnibus longinquis saeptum imperium* — «империя ограждена морем Океаном и дальними реками» (*Ann.* I. 9. 6).

Таким образом, подводя общий итог, можно выделить по меньшей мере пять характерных пространственных особенностей, которые присущи римскому миру, как он представлен в *RG*. Во-первых, этот мир есть динамичное пространство империи, которое вышло далеко за пределы республиканских

⁹² Этой теме посвящена необозримая литература. Общие ее очерки представлены, например, в работах: Cresci Marrone 1998; Gruen 1996, 188–194; Rich 2009.

⁹³ О познаниях Августа в области географии свидетельствует тот факт, что ему принадлежало несохранившееся сочинение, посвященное хорографии, о котором упоминается в одном позднем географическом сочинении *Diuisio orbis terrarum*: *orbis diuiditur tribus nominibus: Europa, Asia, Libya uel Africa; quae diuus Augustus primus omnium per chorographiam ostendit*. — «Мир делится на три наименования: Европа, Азия, Ливия, или Африка; на это первым из всех указал Божественный Август посредством хорографии» (*Geographi Latini Minores*, p. 14 Riese). Эту *Chorographia* некоторые исследователи предлагали отождествить с *Breuiarium totius imperii* (Jullian 1883), одним из трех (или четырех, по Диону Кассию) свитков, которые были вскрыты и обнародованы в сенате после смерти Августа (Suet. *Aug.* 101. 4; Tac. *Ann.* I. 11. 3–4; Dio Cass. LVI. 33. 2). Другие видят в нем источник для описания Плинием Старшим Италии (De Romanis 2016); третьи считают, что это сочинение включало также описание провинций. По мнению же Николе, под хорографией в данном пассаже подразумевается знаменитая карта мира в портике Агриппы, что, однако, не исключает существования сочинения соответствующего содержания (обзор дискуссии и анализ географического труда Августа: Nicolet 1991, 171–188; также см. Cresci Marrone 1993, 77–86). Как бы то ни было, не приходится сомневаться в глубоком интересе Августа к вопросам практической и теоретической географии.

⁹⁴ Тит Ливий вкладывает это выражение в уста плебеев. О свободе, возвращенной римскому государству, ср. *RG* I.1: *rem publicam a dominatione factionis oppressam in libertatem uindicauit*. Об этой фразе и республиканской идеологии в *RG* см. Hodgson 2014.

⁹⁵ Verg. *Aen.* I. 278–279: *ego nec metas rerum nec tempora pono, imperium sine fine dedi*. Об этой идее в идеологии принципата см., например, Mehl 1994; Cresci Marrone 2018.

границ⁹⁶. При этом анализ текста «Деяний» подтверждает мысль Г.С. Кнабе о том, что Рим «не только и не столько противопоставлял себя всей бесконечности земель и стран, сколько как бы взаимодействовал и сливался с ними»⁹⁷ (хотя все же говорить о слиянии не совсем точно и правомерно, поскольку, как было отмечено, значительная часть из этих земель и стран скорее только мыслилась подвластной Риму, продолжая вполне самостоятельное существование). Во-вторых, это «экуменическое» пространство, которое достигает самых дальних пределов обитаемого мира, по сути дела совпадает с ним и фактически (или в воображении) не имеет на своих границах и за их пределами другого мира (*orbis alter*), во всяком случае такого, который бы мог соперничать с Римом⁹⁸. Надо сказать, что такой «экуменический» взгляд на «империю римского народа» ко времени составления «Деяний» отнюдь не был новшеством и в немалой степени обуславливался характерной и для греков, и для римлян средиземноморско-центрической концепцией населенного мира⁹⁹. В-третьих, это умиротворенное и упорядоченное пространство. Общий тон и смысл повествования Августа нацелены на то, чтобы продемонстрировать, что именно он «превращает большие области мира в форму, в которой ими можно управлять»¹⁰⁰. В-четвертых, это дифференцированное, неоднородное и иерархическое пространство с центральным положением Рима и Италии, пространство, в котором первенствующее место занимают римские граждане, доминирующие в провинциях и превосходящие, фактически или потенциально, варварские и прочие иностранные народы. В-пятых, это пространство центростремительное, подчиненное, реально или потенциально, единой воле, замыкающееся и ориентированное на одно лицо — принцепса¹⁰¹. Примечательно в этом плане, что, сообщая об иностранных посольствах и просьбах иноземных правителей, Август подчеркивает, что они обращались именно к нему, а не к римскому государству, искали его дружбы и личного покровительства¹⁰².

Иначе говоря, по своим основным параметрам это было *специфически имперское пространство*, созданное в результате завоеваний и аннексий, имевшее четко выраженный имперский центр (город Рим), подчиненное доминирующему народу и единоличной центральной власти, притязающей на всемирное господство. При этом дискурс «Деяний божественного Августа» не обнаруживает какой-либо сакрализации имперского пространства в целом. Можно предположить, что это связано в конечном счете с полисно-республиканскими истоками и основаниями Римской империи, которая вырастала

⁹⁶ Ср. Ramage 1987, 56.

⁹⁷ Knabe 1994, 266.

⁹⁸ Понятие *orbis alter*, под которым понимается парфянская держава (Manil. *Astr.* IV. 674–675), получило развитие позже, в годы правления Тиберия, см. Pistellato (forthcoming). Впрочем, оно фигурирует в так называемом «Панегирике Мессале» (149–150), где не завоеванная пока еще римским оружием Британия характеризуется как «иная часть мира» — *mundi altera pars*.

⁹⁹ Rich 2009, 147.

¹⁰⁰ Richardson 2008, 145.

¹⁰¹ Ср. Cresci Marrone 1998, 313.

¹⁰² Ср. характерные выражения: *ad me ex India regum legationes... missae sunt; ad me supplices confugerunt reges Parthorum; ad me rex Parthorum... misit; a me gentes Parthorum et Medorum... reges petitos acceperunt* (RG 31–33). Ср., однако, 31.2: *nostram amicitiam*.

из городской гражданской общины Рима, включала в себя, создавала и поддерживала города полисного типа как свои важнейшие структурообразующие элементы. Кроме того, римская экспансия никогда не диктовалась религиозными мотивами (миссией распространения и утверждения истинной веры, как, скажем, арабские завоевания или крестовые походы), но в основе ее лежали прежде всего геополитические факторы, хотя, несомненно, со временем формировалась и особая идеология, оправдывавшая римские завоевания и державность особой цивилизационной миссией Вечного города, которая была ему предначертана богами, ему покровительствовавшими¹⁰³. В свою очередь, эти мотивы и их идеологическое оформление в немалой степени обусловливались специфическими представлениями о пространстве окружающего мира, которое мыслилось и описывалось некартографическим образом и в таком качестве нашло отражение в «Деяниях божественного Августа»¹⁰⁴.

Литература / References

- Arena, P. 2018: Le Res Gestae di Augusto nel dibattito contemporaneo; un bilancio. In: S. Segenni (ed.), *Augusto dopo il bimillenario. Un bilancio*. (Studi sul mondo antico, 8). Milano, 8–19.
- Babnis, T. 2017: Augustan poets on the Roman-Parthian treaty of 20 BC. *Classica Cracoviensia* 20, 5–44.
- Badami, C. 2013: *La Traduction grecque des Res gestae diui Augusti*. Saint-Denis.
- Baltrusch, E., Wilker, J. (Hrsg.) 2015: *Amici – socii – clientes? Abhängige Herrschaft im Imperium Romanum*. (Berlin Studies of the Ancient World, 31). Berlin.
- Bartenstein, F. 2014: *Bis ans Ende der bewohnten Welt: Die römische Grenz- und Expansionspolitik in der augusteischen Zeit*. München.
- Berthet, J.-F. 2008: Remarques sur le vocabulaire politique des *Res gestae diui Augusti*. In: F. Biville, J.-C. Decourt, G. Rougemont (eds.), *Bilinguisme gréco-latin et épigraphie. Actes du colloque organisé à l'Université Lumière-Lyon 2, Maison de l'Orient et de la Méditerranée-Jean Pouilloux, UMR 5189 Hisoma et JE 2409 Romanitas les 17, 18 et 19 mai 2004*. Lyon, 231–239.
- Bosworth, B. 1999: Augustus, the Res Gestae and Hellenistic theories of apotheosis. *Journal of Roman Studies* 89, 1–18.
- Braccesi, L. 1991: *Alessandro e la Germania: riflessioni sulla geografia romana di conquista*. Roma.
- Brunt, P.A. 1971: *Italian Manpower. 225 B.C. – A.D. 14*. Oxford.
- Brunt, P.A. 1990: Roman imperial illusions. In: P.A. Brunt, *Roman Imperial Themes*. Oxford, 433–480.
- Brunt, P.A., Moore, J.M. 1967: Introduction. In: *Res Gestae Divi Augusti. The Achievements of the Divine Augustus*. Oxford, 1–17.
- Buschmann, K. 1991: Motiv und Ziel des Aelius-Gallus-Zuges nach Südarabien. *Die Welt des Orients* 22, 85–93.
- Campbell, B. 2012: *Rivers and the Power of Ancient Rome*. Chapel Hill.
- Casella, M. 2016: *Meo iussu et auspicio... Aethiopiam... perventum est* (Aug. RG 26, 5). Scenari politico-economici, echi propagandistici e suggestioni espansionistiche della spedizione di Publio Petronio. *Hormos. Ricerche di storia antica* 8, 32–65.
- Centanni, M. 2013: Ideologia imperiale ‘a fronte’ nel testo greco/latino delle Res Gestae: appunti sulla doppia versione del manifesto politico di Augusto. In: M. Bassani, A. Debiasi, E. Pastorio, F. Raviola (eds.), *L'Indagine e la rima. Scritti per Lorenzo Braccesi*. Roma, 333–354.

¹⁰³ С этой точки зрения Август предстает как исполнитель божественной воли, избравшей Рим в качестве мирового гегемона (ср., например, известные пассажи, выражающие эту идею: Verg. *Aen.* I. 278–296; VI. 789–853; Hor. *Carm.* III. 3. 44–46; Liv. I. 16. 7; 55. 6; V. 54. 7). См. Welwei 2004a, 235.

¹⁰⁴ Подробнее см. Geus 2016, 78–84. Имеется в виду линейный, или годологический, принцип восприятия и описания географического пространства. Об этой специфике римского взгляда на мир немало написано в последнее время; см., например, Hänger 2001; Whittaker 2002; Salway 2012.

- Clarke, K. 2008: Text and image: mapping the Roman world. In: F.-H. Mutschler, A. Mittag (eds.). *Conceiving the Empire: China and Rome Compared*. Oxford, 195–214.
- Coleman, K.M. 1993 Launching into history: aquatic displays in the early Empire. *Journal of Roman Studies* 83, 48–74.
- Cooley, A.E. 2009: *Res gestae divi Augusti: Text, Translation and Commentary*. Cambridge.
- Cornwell, H. 2017: *Pax and the Politics of Peace: Republic to Principate*. Oxford.
- Cresci Marrone, G. 1993: *Ecumene Augustea. Una politica per il consenso*. Roma.
- Cresci Marrone, G. 1998: La conquista ecumenica in età augustea: voci di consenso e dissenso. In: L. Aigner-Foresti et al. (eds.), *L'ecumenismo politico nella coscienza dell'Occidente. Alle radici della casa comune europea. Vol. I. Atti del Convegno. Bergamo 1995, 18–21 settembre*. Roma, 307–318.
- Cresci Marrone, G. 2018: *Imperium sine fine dedi? Il principato di Augusto e il problema della dimensione temporale*. In: L.R. Cresci, F. Gazzano (eds.), *De Imperiis. L'idea di impero universale e la successione degli imperi nell'antichità*. Roma, 173–189.
- De Romanis, F. 2016: *Imperium intra terminos e Italia discripta: brevi osservazioni su Augusto geografo*. *Bollettino della società geografica Italiana*. Ser. XIII, 9, 43–64.
- Eck, W. 2015: Augusto e la Germania: come nasce una provincia. *Storicamente* 11, 1–26.
- Eck, W. 2018: Augustus – Tiberius – Varus. Eine römische Erfolgsgeschichte in Germanien und ihr Scheitern. Geschichte in Köln. *Zeitschrift für Stadt- und Regionalgeschichte* 65, 7–30.
- Edwell, P. 2013: The Euphrates as a boundary between Rome and Parthia in the late Republic and early Empire. *Antichthon* 47, 191–206.
- Ensslin, W. 1932: Zu den Res Gestae Divi Augusti. *Rheinisches Museum für Philologie* 81, 335–365.
- Favro, D. 1996. *The Urban Image of Augustan Rome*. Cambridge–New York–Melbourne.
- Fugmann, J. 1991: “Mare a praedonibus pacavi” (R.G. 25,1). Zum Gedanken der *aemulatio* in den *Res gestae* des Augustus. *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte* 40.3, 307–317.
- García Moreno, L.A. 1990: Alejandro Magno y la política exterior de Augusto. In: J.-M. Croisille (éd.), *Néronia IV. Alejandro Magno, modelo de los emperadores romanos. Actes du IVe Colloque International de la SIEN. (Col. Latomus, 209)*. Bruxelles, 132–142.
- Gargola, D.J. 2017: *The Shape of the Roman Order: the Republic and its Spaces*. Chapel Hill.
- Geus, K. 2016. “Er hat die Oikumene der römischen Herrschaft unterworfen”. Bemerkungen zu den Raumvorstellungen in der Zeit des Augustus. In: E. Baltrusch, Chr. Wendt (Hrsg.), *Der Erste: Augustus und der Beginn einer neuen Epoche*. Mainz, 76–85, 159–160.
- Gruen, E. 1985: Augustus and the ideology of war and peace. In R. Winkes (ed.) *The Age of Augustus: Interdisciplinary Conference Held at Brown University, April 30 – May 2, 1982*. Providence, 51–72.
- Gruen, E.S. 1996: The expansion of the empire under Augustus. In: *The Cambridge Ancient History*. Vol. X. 2nd ed. Cambridge, 147–197.
- Haensch, R. 2012: Arx imperii? Der Palast auf dem Palatin als das politisch-administrative Zentrum in der Reichshauptstadt Rom nach dem Zeugnis der schriftlichen Quellen. In: O. Dally, F. Fless, R. Haensch, et al. (Hrsg.), *Politische Räume in vormodernen Gesellschaften; Gestaltung – Wahrnehmung – Funktion; Internationale Tagung des DAI und des DFG-Exzellenzclusters TOPOI vom 18.–22. November 2009 in Berlin*. Rahden, 267–276.
- Hängel, C. 2001: *Die Welt im Kopf: Raumbilder und Strategie im römischen Kaiserreich*. Göttingen.
- Haselberger, L. 2007: Urbem adornare: *Die Stadt Rom und ihre Gestaltumwandlung unter Augustus / Rome's Urban Metamorphosis under Augustus*. Portsmouth.
- Havener, W. 2016: *Imperator Augustus: Die diskursive Konstituierung der militärischen Persona des ersten römischen Princeps*. Stuttgart.
- Heuss, A. 1975: Zeitgeschichte als Ideologie. Bemerkungen zu Komposition und Gedankenführung der *Res gestae Divi Augusti*. In: E. Lefèvre (Hrsg.), *Monumentum Chiloniense. Studien zur augusteischen Zeit. Kieler Festschrift für Erich Burck zum 70. Geburtstag*. Amsterdam, 55–95.
- Hodgson, L. 2014: Appropriation and adaptation: republican idiom in *Res gestae* 1.1. *Classical Quarterly* 64.1, 254–269.
- Jameson, Sh. 1968: Chronology of the campaigns of Aelius Gallus and C. Petronius. *Journal of Roman Studies* 58.1–2, 71–84.
- Jullian, C. 1883: Le Breviarium totius imperii de l'empereur Auguste. *Mélanges d'archéologie et d'histoire* 3, 149–182.
- Jung, D.H. 2017: *Luke's Worldview: A Study of the Oikoumene in Luke-Acts*. PhD Thesis. University of Sheffield. URL: http://etheses.whiterose.ac.uk/19220/1/Thesis_Jung.pdf; дата обращения: 21.09.2019.
- Kienast, D. 1969: Augustus und Alexander. *Gymnasium* 76, 448–456.
- King, D. 1952: The Greek translation of Augustus Res Gestae. *Wisconsin Academy of Sciences, Arts and Letters* 41, 219–228.

- Knabe, G.S. 1994: [The historical space of Ancient Rome]. In: G.S. Knabe, *Materialy k lektsiyam po obshchey teorii kul'tury i kul'ture antichnogo Rima* [Materials for the lectures on the general theory of culture and the culture of ancient Rome]. Moscow, 253–278.
- Кнабе, Г.С. 1994: Историческое пространство Древнего Рима. В кн.: Г.С. Кнабе, *Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима*. М., 253–278.
- Kühlborn, J.-S. et al. (Hrsg.) 2008: *Rom auf dem Weg nach Germanien. Geostrategie, Vormarschstraßen und Logistik. Internationales Kolloquium in Delbrück-Anreppen vom 4.bis 6.11.2004*. Mainz.
- Lange, C.H. 2008: Civil war in the *Res Gestae Divi Augusti*: conquering the world and fighting a war at home. In: E. Bragg, L.I. Hau, E. Macaulay-Lewis (eds.), *Beyond the Battlefields: New Perspectives on Warfare and Society in the Graeco-Roman World*. Cambridge, 185–204.
- Le Roux, P. 1990: L'État augustéen servi par la géographie. *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations* 45.2, 423–432.
- Lehmann G.A., Wiegels R. (Hrsg.) 2007: *Römische Präsenz und Herrschaft im Germanien der augusteischen Zeit*. Göttingen.
- Licandro, O. 2016: La pax deorum e l'imperatore Augusto (che “iniziò a porre ordine nell'ecumene”). In: *Scritti per Alessandro Corbino* IV, 223–300.
- Lyubimova, O.V. 2017: [The legacy of *populares* in the politics of emperor Augustus (on the evidence of *Res gestae divi Augusti*]. *Istoricheskij Vestnik* [The Historical Reporter] 19 (166), 226–291.
- Любимова, О.В. Наследие популяров в политике Августа (по данным *Res gestae divi Augusti*). *Исторический вестник* 19 (166), 226–291.
- Makhlaiuk, A.V. 2018a: [Rome in the conception of the world powers of antiquity: space and time of the Empire]. In: O.L. Gabelko, A.V. Makhlaiuk, A.A. Sinitsyn (eds.), *ПЕНТХОНТАЕТИА. Issledovaniya po antichnoj istorii i kul'ture* [ПЕНТХОНТАЕТИА. Studies in ancient history and culture: collection of articles dedicated to the anniversary of I. Ye. Surikov]. Moscow–Saint Petersburg, 276–285.
- Махлаюк, А.В. 2018a: Рим в концепции мировых держав древности: пространство и время империи. В сб.: О.Л. Габелко, А.В. Махлаюк, А.А. Синицын (ред.), *ПЕНТХОНТАЕТИА. Исследования по античной истории и культуре: Сборник статей, посвященный юбилею И.Е. Сурикова*. М. – СПб., 276–285.
- Makhlaiuk, A.V. 2018b: [The Roman emperor as a ruler of the universe in the political discourse of Greek inscriptions]. In: V.V. Dementieva (ed.), *Drevnie tsivilizatsii: sotsium i chelovek. Doklady konferentsii Rossiyskoy assotsiatsii antikovedov, YarGU im. P.G. Demidova, 4–6 oktyabrya 2018 g.* [Ancient civilizations: society and human: proceedings of the conference of the Russian Association of Classical Studies, Demidov Yaroslav' State University, October 4–6, 2018]. Yaroslavl, 139–149.
- Махлаюк, А.В. 2018b: Римский император как правитель вселенной в политическом дискурсе греческих надписей. В сб.: В.В. Дементьева (ред.), *Древние цивилизации: социум и человек: доклады конференции Российской ассоциации антиковедов, ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 4–6 октября 2018 г.* Ярославль, 139–149.
- Marcone, A. 2017: Tota Italia. *Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité* 129.1, 55–64.
- Marcone, A. 2018: Le *Res Gestae* di Augusto: questioni aperte. In: S. Segenni (ed.), *Augusto dopo il bimillenario. Un bilancio*. (Studi sul mondo antico, 8). Milano, 1–7.
- Marek, Chr. 1993: Die Expedition des Aelius Gallus nach Arabien im Jahre 25 v.Chr. *Chiron* 23, 121–156.
- Mastino, A. 1986: Orbis, κόσμος, οἰκουμένη: aspetti spaziali dell'idea di impero universale da Augusto a Teodosio. In: *Popoli e spazio romano tra diritto e profezia: atti del 3. Seminario internazionale di studi storici “Da Roma alla terza Roma”, 21–23 aprile 1983*, Roma. Napoli, 63–162.
- Mastino, A., Ibbas, A. 2012: L'imperatore pacator orbis. In: M. Cassia, C. Giuffrida, C. Molè, A. Pinzone (eds.), *PIGNORA AMICITIAE. Scritti di storia antica e storiografia offerti a Mario Mazza*. Vol. III. Acireale–Roma, 139–212.
- Mayerson, Ph. 1995: Aelius Gallus at Cleopatra (Suez) and on the Red Sea. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 36, 17–24.
- Mehl, A. 1994: *Imperium sine fine dedi* – Die augusteische Vorstellung von der Grenzenlosigkeit des Römischen Reiches. In: E. Olshausen (Hrsg.), *Geographica Historica* 7. Amsterdam, 431–464.
- Mezheritskiy, Ya. Yu. 2016: «Vosstanovlennaya respublika» imperatora Avgusta [Emperor Augustus' “Restored Republic”]. Moscow.
- Межерицкий, Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.
- Mitchell, S. 1993: *Anatolia. Land, Men and Gods in Asia Minor*. Vol. I. *The Celts in Anatolia and the Impact of Roman Rule*. Oxford.
- Momigliano, A. 1942: Terra marique. *Journal of Roman Studies* 32.1–2, 53–64.

- Mommsen Th. 1905 (1871): Die germanische Politik des Augustus. In: Th. Mommsen, *Reden und Aufsätze*. Berlin, 316–343.
- Nemeth, E. 2017: Augustus, Tiberius und die Daker. In: P. Kovács (ed.), *Tiberius in Illyricum: Contributions to the history of the Danubian provinces under Tiberius' reign (14–37 AD)*. (Hungarian Polis Studies, 24). Budapest–Debrecen, 133–138.
- Nenci, G. 1958: L'imitatio Alexandri nelle Res gestae divi Augusti. In: G. Nenci (ed.), *Introduzione alle guerre persiane e altri saggi di storia antica*. Pisa, 285–308.
- Nicolet, C. 1988: *L'inventaire du monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain*. Paris.
- Nicolet, C. 1991: *Space, Geography and Politics in the Early Roman Empire*. Ann Arbor.
- Oswald, K. 2012: SIGNIS PARTHICIS RECEPTIS. Die Heimkehr der verlorenen Feldzeichen von Carrhae in den Medien der augusteischen Zeit. *Frankfurter elektronische Rundschau zur Altertumskunde* 18, 1–28.
- Papaioannou, S. 2011: The translation politics of a political translation: the case of Augustus' Res Gestae. In: S. McElduff, E. Sciarrino (eds.), *Complicating the History of Western Translation: The Ancient Mediterranean in Perspective*. Manchester–Kinderhook–New York, 62–74.
- Parker, G. 2008: *The Making of Roman India*. Cambridge–New York.
- Pistellato, A. 2019 (forthcoming) *Quo ferimur?* On the re-conceptualization of the Roman orbis under Tiberius.
- Poccetti, P. 2016: Identità reali e identità fittizie nel disegno geografico e organizzativo dell'Italia augustea. *Bollettino della società geografica italiana*. Serie XIII, 9, 19–42.
- Polverini, L. 2011–2012: I confini imperiali fra geografia e politica: Augusto e l'Eufrate. *Geographia antiqua* XX–XXI, 5–12.
- Ramage, E.S. 1987: *The Nature and Purpose of Augustus' "Res Gestae"*. Stuttgart.
- Rich, J.W. 2009: Augustus, war and peace. In: J. Edmondson (ed.), *Augustus*. (Edinburgh Readings on the Ancient World). Edinburgh, 137–164.
- Richardson, J. 2008: *The Language of Empire: Rome and the Idea of Empire from the Third Century BC to the Second Century AD*. Cambridge–New York.
- Ridley, R.T. 2003: *The Emperor's Retrospect: Augustus' Res Gestae in Epigraphy, Historiography and Commentary*. (Studia Hellenistica, 39). Leuven–Dudley.
- Roddaz, J.-M. 2004: Auguste et les confins. In: M. Khanoussi, P. Ruggeri, C. Vismara (eds.), *L'Africa Romana. Atti del XV convegno di studio. Ai confini dell'Impero: contatti, scambi, conflitti. Tozeur, dicembre 2002*. Roma, 261–276.
- Roman, Y. 1983: Auguste, l'Océan Atlantique et l'impérialisme romain. *Ktéma* 8, 261–268.
- Royo, M. 2014: Domicilium Orbis Terrarum, ou Comment Rome devient capitale. *Pallas* 96, 53–74.
- Ruffing, K. 2014: Rom – das paradigmatische Imperium. In: M. Gehler, R. Rollinger (Hrsg.), *Imperien und Reiche in der Weltgeschichte. Epochenübergreifende und globalhistorische Vergleiche. Teil 1: Imperien des Altertums, Mittelalterliche und frühneuzeitliche Imperien*. Wiesbaden, 401–447.
- Salway, B. 2012: Putting the world in order: mapping in Roman texts. In: R.J.A. Talbert (ed.), *Ancient Perspectives: Maps and their Place in Mesopotamia, Egypt, Greece, and Rome*. Chicago, 193–234.
- Schäfer, Th. 1998: *Spolia et signa: Baupolitik und Reichskultur nach dem Parthererfolg des Augustus*. Göttingen.
- Scheid, J. 2007: Res Gestae Divi Augusti. *Hauts faits du Divin Auguste*. Paris.
- Scheid, J. 2016: Les “Hauts faits du Divin Auguste”: Texte littéraire ou bilan politique? In: S. Luciani et P. Zuntow (éds.), *Entre mots et marbre: les métamorphoses d'Auguste*. (Scripra antiqua, 82). Bordeaux, 39–52.
- Scheppens, G. 1998: Between utopianism and hegemony. Some reflections on the limits of political ecumenism in the Graeco-Roman world. In: L. Aigner Foresti et al. (eds.), *L'ecumenismo politico nella coscienza dell'Occidente. Alle radici della casa comune europea*. Vol. I. *Atti del Convegno. Bergamo 1995, 18–21 settembre*. Roma, 117–147.
- Sidebotham, S.E. 1986: Aelius Gallus and Arabia. *Latomus* 45.3, 590–602.
- Souza, Ph. de 2008: Parta victoriis pax: Roman emperors as peacemakers. In: Ph. de Souza, J. France (eds.), *War and Peace in Ancient and Medieval History*. Cambridge, 76–106.
- Spaar, S.L. 2000: What was the “orbis terrarum” in Augustean ideology? *Ancient World* 31, 148–162.
- Strobel, K. 2004: Dakien, der Donauraum und Rom: ein spannungsreiches Wechselverhältnis. In: L. Ruscio et al. (eds.), *Orbis antiquus. Studia in honorem Ioannis Pisonis*. Cluj-Napoca, 146–158.
- Syme, R. 1978: *History in Ovid*. Oxford.
- Syme, R. 1984: The crisis of 2 BC. In: R. Syme, *Roman Papers*. Edited by A.R. Birley. Vol. 3. Oxford, 912–936.
- Thonemann, P. 2012: A copy of Augustus' Res Gestae at Sardis. *Historia* 61.3, 292–288.

- Tuori, K. 2018: The savage sea and the civilizing law: the rule of the sea and the legacy of Roman tradition. In: H. Kopp, Chr. Wendt (eds.), *Thalassokratographie: Rezeption und Transformation antiker Seeherrschaft*. (Transformationen der Antike, 52). Berlin, 201–218.
- Ukolova, V.I. 2008: [Empire as the “meaning” of historical space: an attempt at politological analysis turned to the past]. In: N.A. Khachatryan (ed.), *Vlast', obshchestvo, individ v srednevekovoy Evrope* [Power, Society, Individual in Medieval Europe]. Moscow, 20–33.
- Уколова, В.И. Империя как «смысл» исторического пространства: попытка политологического анализа, обращенного к прошлому. В сб.: Н.А. Хачатурян (ред.), *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. М., 20–33.
- Vallat, D. 2008: Interférences onomastiques et péri-onomastiques dans les Res gestae d'Auguste. In: F. Biville, J.-C. Decourt, G. Rougemont (éds.), *Bilinguisme gréco-latin et épigraphie. Actes du colloque organisé à l'Université Lumière-Lyon 2, Maison de l'Orient et de la Méditerranée-Jean Pouilloux, UMR 5189 Hisoma et JE 2409 Romanitas les 17, 18 et 19 mai 2004*. Lyon, 241–257.
- Vanotti, G. 1975: Il testo greco delle “Res Gestae Divi Augusti”: appunti per una interpretazione politica. *Giornale Italiano della Filologia* 27, 306–325.
- Vanotti, G. 1987: Prospettive ecumeniche e limiti reali nella definizione dei confini augustei. In: M. Sordi (ed.), *Il confine nel mondo classico*. Milano, 234–249.
- Visy, Z. 2015: Noch einmal über die Feldzüge von Augustus im Karpatenbecken. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 55, 155–166.
- Vivero, M.A. 2018: El Imperio romano y la India en época de Augusto. Replanteamiento de las relaciones diplomáticas. *Espacio, Tiempo y Forma. Serie II Historia antigua* 31, 31–48.
- Vogt, J. 1960 [1929]: *Orbis Romanus: zur Terminologie des römischen Imperialismus*. In: J. Vogt, *Orbis. Ausgewählte Schriften zur Geschichte des Altertums*. Freiburg, 151–171 (= *Orbis Romanus: zur Terminologie des römischen Imperialismus*. Tübingen, 1929).
- Wallace-Hadrill, A. 1993. *Augustan Rome*. Bristol.
- Welwei, K.-W. 2004a: Römische Weltherrschaftsideologie und augusteische Germanienpolitik. In: K.-W. Welwei, *Res Publica und Imperium. Kleine Schriften zur römischen Geschichte*. Hrsg. M. Meier, M. Strothmann. Stuttgart, 230–249.
- Welwei, K.-W. 2004b: Probleme römischer Grenzsicherung am Beispiel der Germanienpolitik des Augustus. In: K.-W. Welwei, *Res Publica und Imperium. Kleine Schriften zur römischen Geschichte*. Hrsg. M. Meier, M. Strothmann. Stuttgart, 250–263.
- Whittaker, C.R. 2002: Mental maps: Seeing like a Roman. In: P. McKechnie (ed.), *Thinking Like a Lawyer: Essays on Legal History and General History for John Crook on His Eightieth Birthday*. Leiden, 81–112.
- Wiegels, R. 2015: Fern von Germanien. Römische Grenzpolitik in Ägypten und Arabien zu Beginn der Herrschaft des Augustus. In: G.A. Lehmann, R. Wiegels (Hrsg.), *“Über die Alpen und über den Rhein...” Beiträge zu den Anfängen und zum Verlauf der römischen Expansion nach Mitteleuropa*. Berlin, 9–68.
- Wigtill, D.N. 1982: The Ideology of the Greek Res Gestae. In: *ANRW* II.30.1, 624–638.
- Wissmann, H. von 1978: Die Geschichte des Sabäerreichs und der Feldzug des Aelius Gallus. In: *ANRW* II.9.1, 308–344; 705–707.
- Witschel, Chr. 2008: The Res Gestae Divi Augusti and the Roman Empire. In: F.-H. Mutschler, A. Mittag (eds.), *Conceiving the Empire: China and Rome Compared*. Oxford, 241–268.
- Woolf, G. 2001: Inventing empire in ancient Rome. In: S.E. Alcock, K.D. Morrison et al. (eds.), *Empires: Perspectives from Archaeology and History*. Cambridge, 311–322.